
МОИСЕЙ КАЛАНКАТУЙСКИЙ О ВЕРОВАНИЯХ ДРЕВНЕТЮРКСКИХ ПЛЕМЕН

С. Г. КЛЯШТОРНЫЙ (Санкт-Петербург)

Три источника, близких по времени создания, но бесконечно далеких в пространстве и в культурной традиции, обнаруживают неожиданное схождение в одном сюжете. Речь идет о верованиях трех кочевых народов-тюрков Центральной Азии, гуннов Кавказа и дунайских болгар. Рассказывают же нам о них рунические каменные стелы Монголии, греческая эпиграфика дунайской Мадары и Моисей Каланкатуйский (Дасхуранский).

Памятники Мадары, крупнейшего культового центра праболгар как бы связывают воедино культуры раннесредневековых кочевников долины Дуная, Северного Кавказа и Центральной Азии. Само святилище, величественный рельеф Мадарского всадника, эпиграфические тексты из Мадары позволяют очертить контуры религиозной идеологии и литургических действий праболгарских племен.

Одна из надписей Мадарского святилища упоминает имя верховного бога праболгар, которого "хан и полководец Омуртаг" почтил жертвоприношениями¹. Имя бога Тенгра сразу вводит исследователя в мир древнейшей религии центральноазиатских кочевников, нашедшей свое самое раннее отражение в орхонских надписях—древнетюркских камнеписных текстах первой половины VIII в. Мифы о богах и божественных силах упомянуты в надписях лишь намеками; чаще всего названо имя божества с указанием на его действия или в связи с определенной ситуацией. В орхонских рунических текстах названы лишь три божества—Тенгри (тюрк. "Небо"), Умай и Ыдук Йер-Суб ("Священная Земля-Вода"). Явное выделение Тенгри и универсализм его функций побуждает некоторых исследователей к оценке древнетюркской религии как особой, близкой к монотеизму веры, которую можно

---

¹ С. В а к л и н о в. Формиране на старобългарската култура. VI-XI век. София, 1977, с. 98-103; В. Б е ш е в л и е в. Първобългарски надписи. София, 1979, с. 123.

обозначить термином “тенгриизм”, оговаривая, впрочем, наличие в ней более древних напластований.

Почитание Неба как верховного божества было присуще едва ли не всем древним кочевникам Центральной Азии, независимо от этнической принадлежности. Но этот факт сам по себе еще не предопределял единства их мифологии и верований. Поэтому терминологического совпадения в имени верховного божества праболгар и древних тюрок, указывающего на общие истоки обеих религий, еще недостаточно для более определенных выводов о степени их близости. Очевидно, лишь системные совпадения обоих пантеонов способны показать глубину их генетических связей и возможности взаимодополняющих интерполяций. А так как праболгарский пантеон, из-за крайней скудости сведений о самих дунайских болгарах, остается невыявленным, то его прояснение по иным свидетельствам, относящимся к племенам праболгарского круга в Юго-Восточной Европе, становится предпосылкой реконструкции дохристианской религии основателей древней Болгарской державы на Дунае.

Исходным для такой реконструкции становится описание древнетюркской религии орхонскими памятниками². В них не содержится прямых указаний, классифицирующих пантеон. Однако, в сибирско-центральноазиатской мифологии существовала своя органично присущая ей система классификации божеств, в основе которой лежало трихотомическое деление макрокосма на Верхний, Средний и Нижний миры, между которыми распределены все живые существа, все боги и духи. Трихотомическая концепция дополняла существовавшие горизонтальные модели мира вертикальной моделью и ее создание отнесено теперь в глубочайшую древность, в эпоху верхнего палеолита Сибири³. Противопоставление в древнетюркском пантеоне Неба (Тенгри) и Земли (Ыдук Йер-Суб) позволяет с относительной уверенностью постулировать существование в религиозной идеологии каганата двух групп божественных сил, соответственно связанных с Верхним и Средним мирами. Доказательством существования в древнетюркской мифологии полной трехчленной модели Вселенной стало недавнее выявление в рунических текстах Енисея и Восточного

2 Общий очерк верований орхонских тюрок см.: J.-P. Roux. La religion des Turcs de l'Orkhon des VIIe et VIIIe siècles.- Revue d'histoire et de philosophie religieuse. T. 161, 1962, N 1, p. 1-24; N 2, p. 199-231.

3 О трихотомической структуре космоса в сравнительной мифологии см.: Е. М. Мелетинский. Поэтика мифа. М., 1976, с. 207-208.

Туркестана наиболее важного и яркого персонажа Нижнего мира – его владыки Эрклиг-хана, “разлучающего” людей и посылающего к ним “вестников смерти”⁴.

Владыкой Верхнего мира и верховным божеством древнетюркского пантеона является Тенгри (Небо). В отличие от Неба – части космоса, оно никогда не именуется кек (“голубое небо”, “небо”) или qaluq (“небесный свод”, “ближнее небо”). Именно Тенгри, иногда вкупе с другими божествами, распоряжается всем происходящим в мире и, прежде всего, судьбами людей: Тенгри “распределяет сроки (жизни)”, но рожденьями “сынов человеческих” ведаёт богиня Умай, а их смертью – Эрклиг. Тенгри дарует каганам мудрость и власть, дарует каганов народу, наказывает согрешивших против каганов и даже, “приказывая” кагану, решает государственные и военные дела. Согдоязычная Бугутская надпись, эпитафия Таспар-кагана (ум. в 581 г.) упоминает о постоянных вопросах кагана к богу (богам?) при решении государственных дел⁵. Тенгри неявно антропоморфизован – он наделен некоторыми человеческими чувствами, выражает свою волю словесно, но свои решения осуществляет не прямым воздействием, а через природных или человеческих агентов.

Другим божеством Верхнего мира была Умай, богиня плодородия и новорожденных: она олицетворяет женское начало. Вместе с Тенгри она покровительствует воинам. Так же как каган “подобен (по своему образу) Тенгри”, его супруга-царица “подобна Умай” (“моя мать-царица, подобная Умай”)⁶. Здесь содержится явное указание на миф о божественной супружеской чете – Тенгри и Умай, земной ипостасью которой и является царская чета в мире людей. Главным божеством Среднего мира была “священная Земля-Вода”⁷. В орхонских надписях это божество нигде не упомянуто, но вместе с Тенгри и Умай (или только с Тенгри) оно покровительствует тюркам и наказывает согрешивших. В енисейских рунических надписях герой эпитафии, ушедший в Нижний мир,

4 С. Г. К л я ш т о р н ы й. Стелы Золотого озера.-Сб.: Turcologica. К семидесятилетию академика А. Н. Кононова. Л., 1976, с. 261-264; о н ж е. Древнетюркская мифология. К постановке проблемы.-Сб.: Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. Ч. II, М., 1979, с. 91-95.

5 С. Г. К л я ш т о р н ы й, В. А. Л и в ш и ц. Согдийская надпись из Бугута.-Страны и народы Востока. Вып. X, М., 1971, с. 140.

6 С. Е. М а л о в. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.-Л., 1951, с. 31.

7 См. также: Л. П. П о т а п о в. “Йер-Суб” в орхонских надписях.-Советская тюркология, 1979, N 6, с. 71-77.

вместе с атрибутами Верхнего мира, солнцем и луной, от которых он “удалился” и которыми “не наслаждался”, называет также “мою Землю-Воду”, т. е. покинутый им Средний мир⁸. По сообщениям иноземных информаторов, божество Земли было объектом особого культа. Так, Феофилакт Симокатта пишет, что тюрки “поют гимны земле”⁹. В китайских источниках священная гора, почитаемая тюрками (VI в.), названа ими “бог Земли”¹⁰. Культ священных вершин был частью общего культа Земли-Воды у древнетюркских племен.

Кроме четырех главных божеств (Тенгри, Умай, Ыдук Йер-Суб и Эрклига), в древнетюркский пантеон входили многочисленные второстепенные божества или божества-помощники. В очень важном для анализа древнетюркского пантеона руническом тексте на бумаге из пещерной библиотеки Дуньхуана, именуемом “Книга гаданий” (Брк битиг, первая половина X в.), упомянуты среди прочих два божества “второго плана”: “бог путей на пегом коне” и “бог путей на вороном коне”.

Еще одно столь же древнее упоминание у тюрков “бога путей” имеется в древнетибетском “Каталоге княжеств”, фрагмент которого был обнаружен также в пещерах Дуньхуана. Так, среди соседей Тибета названы “восемь северных земель”, в столице которых, крепости Шу-балык, почитают “бога тюрков Йол-тенгри”¹¹. Тибетская запись (или ее источник) надежно датируется VIII в. Хотя представления тибетского автора о “северных землях” были весьма смутны, важно отметить, что для иноземного наблюдателя образ Йол-тенгри (“бога путей”) был непосредственно связан с государственным культом тюрков.

Судя по функции обоих Йол-тенгри в древнетюркской “Книге гаданий”, одно из которых дает человеку кут– “божественную благодать, душу”, а другое восстанавливает и устраивает государство, оба они, скорее всего, посланцы небесного божества (Тенгри), непосредственные исполнители его воли. Рунические надписи дают много примеров того, что именно Тенгри ниспосылал благодать или “приказывал” и побуждал к созданию и воссозданию государства тюрков. Само государство именуется в енисейской

8 С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков. М.-Л., 1952, с. 31, 81.

9 Феофилакт Симокатта. История. Перевод С. П. Кондратьева, М., 1957, с. 161.

10 Liu Ma-u-t'ai. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken. Wiesbaden, Bd. I, 1958, S. 10.

11 G. Ura. The old Tibetan sources of the history of Central Asia.— Prolegomena to the sources on the history of pre-Islamic Central Asia. Budapest, 1979, p.299–300.

рунике “божественный эль”¹². Оба Йол-тенгри являются, таким образом, младшими божествами, младшими родичами Тенгри, которые, выполняя его волю, постоянно находятся в пути и связывают Верхний и Средний миры, так же как каганы, обращаясь к Небу с вопросами и мольбами (ср. цитированную Бугутскую надпись), осуществляют обратную связь Среднего мира с Верхним.

Таков был, в его самых главных и известных ныне проявлениях, древнетюркский пантеон. Несмотря на некоторые модификации, проникшие в древнетюркскую мифологию под влиянием меняющихся социально-политических условий, общий для самого широкого круга древнетюркских этнических групп характер всех основных персонажей этого архаичного центральноазиатского Олимпа не вызывает сомнений. О том свидетельствуют и орхонские стелы, и надписи енисейских кыргызов, и древнеуйгурские рунические и курсивные тексты, и сведения мусульманских авторов о верованиях кимаков, кыпчаков, гузов, карлуков, и сообщения китайских источников о племенах, живущих к северу от Великой стены. Сколь ни были бы заметны те или иные различия племенных культов, они не нарушали общей структуры пантеона, сложившейся много раньше появления на исторической арене племени тюрк (460 г.)¹³. Само название этого пантеона как древнетюркского не может не быть условным, зависимым скорее от лингвистических и историографических факторов, чем от палеоэтнографической действительности. Тем не менее, речь идет о реальной историко-культурной и религиозно-идеологической общности, сложившейся в среде кочевых племен Внутренней Азии, общности, сохраненной ими в ходе многих миграций I тыс. н. э.

Неожиданное и яркое подтверждение сказанного содержит источник, синхронный эпохе рунических памятников, но созданный далеко от Орхона и Енисея — “История Албании” армянского историка Моисея Каланкатуйского (Дасхуранского, X в.). Значительную часть второй книги этого сочинения составляет включенная в него хроника Михранидов, княжеской династии Кавказской Албании (Армянского Алуанка) в VII в., названная недавно “Историей 684 года”. Здесь повествуется, между прочим, о

¹² С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков, с.11, 17.

¹³ С. Г. Кляшторный. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964, с. 110-111.

пребывании христианской миссии во главе с Исраэлом в “стране гуннов” (682 г.), находившейся в предгорной равнине Дагестана¹⁴.

Остается не вполне ясной племенная принадлежность гуннов Северного Дагестана. Эта группа родственных племен, весьма значительная численно, укрепилась в степях севернее Дербента еще в начале VI в., создав жизнестойкое государственное объединение, которое Анания Ширакский (VII в.) называет “царством гуннов”. Не без влияния местного ираноязычного сельского и городского населения и начавшейся среди гуннов в первой четверти VI в. систематической миссионерской деятельности христианской церкви (миссии “Кардоста” и Макария)¹⁵, часть гуннов перешла от “жизни в шатрах” к оседлому и даже городскому быту. Однако значительная часть гуннов, в том числе и их знать продолжала жить “в лагерях”, т. е. сохраняла кочевой быт и скотоводство, прежде всего коневодство, в качестве основного занятия. После утверждения здесь в 80-х гг. VII в. власти хазар, гунны сохраняли свою автономию.

Большая часть современных исследователей истории Северного Кавказа придерживается мнения, что гунны Дагестана были частью савирских племен или частью савиров и барсиллов, в свою очередь принадлежавших к болгарским племенам¹⁶. По мнению других исследователей в “царстве гуннов” собственно гуннский (тюркский) элемент “растворялся в ираноязычном окружении и поглощался древним аборигенным населением”¹⁷. Так или иначе,

14 Մոսէս Էսէշաղանկատուկի Պատմութիւն Աղուանից աշխարհի Քենական ընագիրը և ներածութիւնը՝ Վ. Առաքելյանի երևան. 1983, էջ 240-259; История агван Моисея Каганкатваци, писателя X в. Перевод с армянского К. Патканяна. СПб., 1861, с. 193-194, 197-198, 200-202; The History of the Caucasian Albanians by Movses Dacxuranci. Transl. by C. J. F. Dowsett. London, 1961, p. 160-168; М о в с э с К а л а н к а т у а ц и. История страны Алуанк. Перевод с древнеармянского, предисловие и комментарий Ш. В. Смбацяна. Ереван, 1984, с. 124-129; V. M i n o r s k y. A new book on the Khasars.-Oriens, t. XI, 1958, pt. 2, p. 125-126; А. А. А к о п я н. Албания-Алуанк в греко-латинских и древнеармянских источниках. Ереван, 1987, с. 196-201.

15 Относительно миссии из Армении к гуннам см. также Լ. Ն. Տ ե ռ-Պ ե տ ը ռ յ ա ն. Մշտոցյան ազանդները և Հայոց առաքելութիւնը Հնայ աշխարհում.—“Պատմա-բանասիրական Հանդես”, 1981, N 1, էջ 107-119.

16 Н. В. П и г у л е в с к а я. Сирийские источники по истории народов СССР. М.-Л., 1941, с. 87; М. И. А р т а м о н о в. История хазар. Л., 1962, с. 183-184; С. А. П л е т н е в а. Хазары. М., 1976, с. 33-34; Л. Б. Г м ы р я. “Царство гуннов” (сивир) в Дагестане (IV-VII вв.). М., 1980, с. 8-12.

17 А. В. Г а д л о. Этническая история Северного Кавказа IV-X вв. Л., 1979, с. 152. По мнению проф. К. Цегледи, северокавказские гунны были последним остатком гуннской державы Аттилы (выступление при обсуждении доклада автора данной статьи “Древ-

тюркоязычные этнические группы, населявшие Прикавказье и Северный Кавказ в конце IV-VI вв., к которым принадлежали гунны Дагестана, неотделимы от основной массы гунно-болгарских племен и надежно связываются с западной миграцией части союза племен теле (*тегер), на основе которого в Центральной Азии сформировались в V-VII вв. новые племенные союзы “девяти огузов” (токуз-огуз) и “десяти уйгуров” (он-уйгур)¹⁸, игравшие выдающуюся политическую и культурную роль вплоть до монгольской эпохи.

Имя князя северокавказских гуннов у Моисея Каланкатуйского Алп-Илитуер *Ալփ Իլիթուէր*, var. *Աղփիւղիթուէր* (<древнетюркского alp elteber/iltivir; в буквальном переводе “герой-эльтебер”). Скорее всего, здесь не собственное имя, а титул. Тот же самый титул, как это было правильно установлено еще И. Марквартом, а позднее, после открытий полного текста Ибн Фадлана (X в.) и сочинения Тахира Марвази (XII в.), поддержано В. Ф. Минорским, носили “цари” волжских болгар¹⁹. Титул *эльтебер* не был “царским” (каганским, ханским), он обычен в Центральной Азии тюркского времени для вождей крупных племен и племенных союзов, зачастую сохранявших полную независимость. Так, среди вождей огузских племен, носивших титул *иркин*, лишь самые могущественные, вожди уйгуров, были *эльтеберами*. То обстоятельство, что князь гуннов в Дагестане носил титул *эльтебера*, а не *хана*, указывает не только на его место в иерархии гунно-болгарских вождей Юго-Восточной Европы, но и на признание им первенствующего положения иных, более значительных объединений племен—таких, как союз болгар-унногундуров при хане Кубрате (Великая Болгария) или Хазарский каганат. Единственным источником, как-то рассказавшим о внутренней жизни “царства гуннов” на Кавказе в конце VII в. и поныне остается “История 684 года”, сохраненная в труде Моисея Каланкатуйского. Автор сочинения, участник миссии Исроэла, не поспешил на характеристики “дьявольских заблуждений” и “скверных дел” идолопоклонников, погруженных в “языческую грязную религию” чтобы еще более значительным выглядел подвиг его патрона, обратившего

нетюркская мифология”, прочитанного в “Обществе Чома де Кёрёши”, Будапешт, 23. XI, 1978 г.).

¹⁸ V. R. Hamilton. Toqus-oghuz et On-uyghur.—Journal Asiatique, 1962, p. 23-63.

¹⁹ См. подробнее: V. Minorsky. Hudd al- Alam. The Religions of the World. A Persian Geography 372 A. H.-982 A. D. London, 1937, p. 461; idem. Sharaf al-Zaman Tahir Marvazi on China, the Turks and India. London, 1942, p. 112.

часть гуннов во главе с Алп-Илитуером (алп=эльтебером) в христианскую веру. Именно в этих “разоблачениях” содержатся ценнейшие реальные детали, дающие известное представление о пантеоне, обрядах и обычаях гунно-болгарских племен.

Христианский клирик прямо не называет в гуннском пантеоне главную фигуру, но упоминает двух особо почитаемых богов—Куара и Тангри хана (“Если громогласное огненное сверкание молнии, обжигающее эфир, поражало человека или другое животное, то они считали, что это жертва, посвященная богу *Куару*, и служили ему. И еще почитаемому ими идолу какому-то, огромному и безобразному богу *Тангри-хану*...приносили в жертву коней на кострах”: “Նա և զորոտրնդոստ հրատեսակ շանթիցն ցայտմունս և զեթերապէզ պրեցմունս, թէ մարդոյ դիպեսցի, թէ այլ ինչ նիւթեղինաց ձօնեալ իմն, զնա ի պաշտօն առեալ նուիրեալ Քուար Աստուծոյն համարէին: Նոյնպես սկայի ումեմն վայրագի անձոռնւոյ ձիախորով զոհիւք պաշտօն մատուցանէին կարդալով նմա Թանգրի խաւն Աստուծա՞...”)20. Последнего автор VII в. именует на иранский манер Аспандиатом (“которого персы называют Аспандиат”21. Ասքանդիատ < среднеперс. spandijad “созданный святым /духом/”), нигде, впрочем, не упоминая, что этим именем его называют и гунны.

В имени Куар (“*Քուար*”), как уже отметил В. Хеннинг, очевидно среднеперсидское x^war “солнце”22. Поклонение богу-солнцу в скифо-сарматской и сармато-аланской среде хорошо известно. Унаследованный гуннами на Кавказе бог Куар вероятно оставался богом местного иранского населения, а в пантеоне самих гуннов его образ слился с образом “громовержца” Тангри-хана. Во всяком случае, все дальнейшие упоминания Тангри-хана (Аспандиата) в тексте выделяют его культ как главное зло, с которым боролся христианский миссионер. Упоминаются два рода святилищ, где свершались обряды в честь Тангри-хана—капища, т. е. языческие храмы, в которых установлены идолы (изображения Тангри-хана?), и священные рощи, где самые высокие деревья олицетворяли Тангри-хана. В жертву божеству приносили коней, которых закалывали в священных рощах. Затем их кровью окропляли землю под деревьями, головы и шкуры вешали на ветви, а туши сжигали на жертвенном огне. Жертвы сопровождались мольбами, обращенными к образу Тангри-хана. Уничтожение священных де-

20 *Մոսէս Կալանկատուայի Վերջին Կատարները*, էջ 241; Моисей Каланкатуацци, с. 124.

21 Там же.

22 *The History of the Caucasian Albanians*, N 1, p. 156.

ревьев, олицетворявших Тангри-хана, и сооружение из их стволов гигантского креста стало кульминацией миссионерской деятельности Исфаэла, символом его победы над язычеством.

Культ Тангри-хана, владыки Верхнего мира, сопровождаемый поклонениями его символам и ипостасям—солнцу (Куар), луне, “громам небесным”, высоким деревьям, “кумирам”—и был центральным культом в царстве Алп-Илитвера. Этот культ до деталей совпадает с тем, что известно о поклонении Тенгри (Небу) у древнетюркских племен Центральной Азии и Сибири. Так же как кавказские гунны, тюрки VI–VIII вв. совершали регулярные жертвоприношения Небу в священных горных лесах (и “пещере предков”)²³. Вместе с Небом почитались небесные светила—солнце и луна. А Махмуд Кашгарский, правоверный мусульманин XI в., сокрушался о тюрках—“неверных”, которые словом “Тенгри” называют “большие деревья”²⁴. Этнографические свидетельства подтверждают и обряд сожжения туш жертвенных животных.

Наряду с Тангри-ханом, в “царстве гуннов” почиталось, по словам христианского наблюдателя, женское божество, которое автор “Истории 684 года”, не чуждый классической образованности, именует “Афродитой” (“Աֆրոդիտեայ մըլեկան կախարդութեամբն”)²⁵. Не вызывает сомнений связь гуннской богини с древнетюркской Умай.

Особо упоминаются как объекты почитания гуннами вода и земля, т. е. божества (божество) Среднего мира. Отмечается даже особый разряд гуннских “колдунов”, “призывающих землю” (“սաւազմոյճ գեանակոչութեամբն”)²⁶. В сущности, речь ведется о древнетюркском культе “священной Земли-Воды” с его “гимнами Земле”, о которых пишет Феофилакт Симокатта.

Наиболее характерными персонажами гуннского пантеона, вскользь отмеченными автором VII в., были “некие боги путей” (“ճանապարհաց աստուծոց ոմանց”)²⁷, в которых уверенно узнаются йол-тенгри, составляющие весьма специфический разряд древнетюркских божеств. Лишь о божествах Нижнего мира ничего не сказано в описании “языческих заблуждений” гуннов, но зато упомянутые там погребальные сооружения весьма схожи с теми,

23 F. Pelliot. Neuf notes sur des questions d'Asie Centrale.—T'oung Pao. Vol. XXVII, 1929, p. 219 f.

24 Mahmud al-Kasgari. Divanii lugat-it-turk, c. 111. Ankara, 1941, s. 418.

25 Մոզեսի Կաղանկատուացի, էջ 241, 253; Мовсэс Каланкатуаци, с. 124, 129.

26 Նույն տեղում, էջ 253: Там же, с. 129.

27 Նույն տեղում, էջ 241: Там же, с. 124.

что известны у тюрков Центральной Азии. Христианина глубоко поразило то, что наряду с проявлениями скорби (плач и царапание щек ножом), на кладбище устраивались конные скачки, игры “по демонскому их обычаю”, “предавались разврату” («*q̄b̄j̄un̄l̄β̄w̄n̄ū ḥ̄w̄w̄r̄ḫ̄n̄*»). Подобным же образом описывает китайский источник похороны знатного тюрка в VI в. Родственники умершего убивают жертвенных животных, надрезают себе в знак скорби щеки, после чего устраивают конные скачки и игры юношей и девушек, нарядившихся в лучшие одежды. Игры носят эротический характер и после них родители молодых договариваются о браках²⁸.

Рассказывая о нарушении гуннских погребальных сооружений, христианский автор отмечает, что они были устроены на “высоком месте”, состояли из “капищ” (заупокойных храмов, идов, изваяний) и “скверных кож жертвенных чучел”, (вывешенных при храмах шкур жертвенных животных). “Капища” названы “высокими” и уничтожались они огнем, т. е. были построены из дерева. Возможно, из дерева изготовлялись “идолы” гуннов²⁹. Все эти элементы погребения упоминаются источником и у центральноазиатских тюрков: храм, построенный “при могиле”, “изображения покойного” (древнетюркские каменные изваяния), вывешенные на шестах головы и шкуры жертвенных овец и лошадей³⁰. Еще один обычай, общий для гуннов и древнеуйгурских племен, заслуживает упоминания — и те, и другие почитали громовые удары и молнию и приносили жертвы на месте, куда молния ударяла³¹.

Если кавказский гунно-болгарский пантеон обнаруживает генетическое родство с древнетюркской мифологией, то развитие культа Тенгри в политизированную религию раннефеодального государства более ясно показывает процессы, синхронно, хотя и независимо друг от друга происходившие в VII–VIII вв. в Монголии и на Дунае. Орхонские надписи постоянно декларируют небесное происхождение каганского рода. Вместе с представлениями о Тенгри и Умай как божественной чете, покровительнице династии, этот поздний мифологический цикл носил явствен-

28 Liu Mau-tsaï. Die chinesischen Nachrichten. Bd. 1, S. 10.

29 *Ūn̄q̄ūḫ̄ū ḫ̄w̄q̄w̄n̄ ḫ̄w̄w̄n̄l̄w̄ḡr̄, ḫ̄ḫ̄ 258: М о в с э с К а л а н к а т у а ц и,* с. 131.

30 С. Г. К л я ш т о р н ы й. Храм, изваяние и стела в древнетюркских текстах. Тюркологический сборник 1974, М., 1978, с. 238-255.

31 Н. Я. Б и ч у р и н. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1, М.-Л., 1950, с. 215-216.

ный отпечаток его рождения в классовом обществе и являлся несомненной частью государственного культа Тюркского каганата. Отдельные составные части этого культа—ежегодные жертвоприношения в “пещере предков”, где в роли первосвященника выступал сам каган, почитание умерших предков-каганов, освящение каганских погребальных комплексов и стел—все это упомянуто в камнеписных памятниках или в сообщениях иноземных наблюдателей.

Те же процессы, и прежде всего, гиперболизации культа вождя, образ которого сакрализуется и заменяется образом царя-первосвященника, земной ипостаси небесного владыки, характерны и для истории Первого Болгарского царства³². Отмеченное сходство не всегда поддается препарации с целью отделения типологических параллелей от генетических импульсов.

Общность пантеона, мифологии, обрядности, архаических верований и суеверий, установленная между тюрко-огузскими племенами Центральной Азии и гунно-болгарскими племенами Северного Кавказа, в большей или меньшей степени распространялась на религиозные верования дунайских праболгар с их культом Тангра (Тенгри, Тангри-хана). Поэтому, экстраполяция характерных черт древней центральноазиатской религии на религиозную идеологию праболгар так же обоснована и закономерна, как выявление аналогов в других сферах культуры племен Внутренней Азии и “народа Аспаруха”.

Итак, казалось бы частный сюжет в сочинении Моисея Каланкатуйского, поставленный в широкий контекст евразийской истории, показывает, что историографическая значимость “Истории Албании” отнюдь не всегда ограничена проблемами циркум кавказского региона.

---

³² В. Б е ш е в л и е в. Гръцки и латински извори за въртата на прабългарските.-Известия Народни етнографски музей в София. 1929 г., VIII-IX, с. 177-178, 180; С. А. Плетнева. От кочевий к городам, с. 178-179.